

УДК 93/94 (045) (470+571)

Институциональные аспекты зарождения российского протекционизма: принятие Торгового устава 1653 года

РАЗМАНОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета.

E-mail: ran5813@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые и экономические факторы принятия Торгового устава 1653 г., который до настоящего времени упоминался в историко-экономической литературе преимущественно как документ, с которого начался процесс систематизации обложения торговли. Но предпосылки его принятия, т.е. условия зарождения протекционизма в России, специально не рассматривались. В статье на основе положений неинституциональной теории показано, что конкуренция русских и иностранных купцов на внутреннем рынке стала способом осознания и аккумуляции информации, необходимой для реформирования налогообложения, что одновременно явилось импульсом к проведению протекционистской политики. Взаимодействия правительства и русского и иностранного купечества рассмотрены как «обязывающие контракты», получение выгод от которых учитывает трансакционные издержки по контролю над их исполнением, а нарушения норм — как способ повысить конкурентоспособность. Результатом исследования явилось выявление комплекса нормативных актов — Торгового устава, Уставной грамоты 1654 г. и Жалованной грамоты Киеву, обеспечивших становление институциональной среды протекционизма и зарождения единого экономического пространства России.

Ключевые слова: институты; конкуренция; обмен; протекционизм; таможенные пошлины; Торговый устав 1653 г.

Institutional Aspects of the Origin of the Russian Protectionism: Trade Adoption Statute in 1653

NATALIA A. RAZMANOVA

Ph. D (History), Professor,

«Economic History and History of Economic Studies» Department, Finance University

E-mail: ran5813@rambler.ru

Abstract. The article deals with organizational, legal and economic factors making trade statute in 1653, which has hitherto been mentioned in historical and economic literature primarily as a document that started the process of systematization of taxation of trade. But the preconditions of its adoption, ie conditions for the birth of protectionism in Russia is not specifically addressed. On the basis of the provisions of the new institutional theory, it is shown that the competition of Russian and foreign merchants in the domestic market has become a way of understanding and accumulation of information necessary for tax reform that both the impetus to conduct a protectionist policy. Interaction between the government and the Russian and foreign merchants considered as «binding contracts», the benefits of which takes into account the transaction costs for the control of their execution, and violations as a way to increase competitiveness. The result of the study was to identify the complex regulations — Trade charter charters in 1654 and the Charter to Kiev, have provided an institutional environment protection and the emergence of a common economic space of Russia.

Keywords: institutions; competition; exchange; protectionism; customs duties; Trading Charter 1653.

Выбор, который мы делаем сегодня или завтра, сформирован прошлым. А прошлое может быть понято нами только как процесс институционального развития.

Дуглас Норт

В 1653 г. второй царь из династии Романовых — Алексей Михайлович подписал указ о новом порядке взимания таможенных пошлин, который вошел в историю как Торговый устав и явился основой для формально и неформально регламентированных отношений правительства и деловых кругов России, насчитывающих, исключая советский период, около трехсот лет.

Изучение Торгового устава началось со второй половины XIX в., когда он стал рассматриваться в отечественной историко-экономической литературе как предшественник Новоторгового устава. Формирование протекционизма, который в настоящее время является одним из обсуждаемых вопросов, как правило, связывают с принятием именно Новоторгового устава. Вместе с тем само наименование этого документа указывает, что он явился развитием уже существовавшего норматива, включавшего в себя черты покровительственной политики. Немало отсылок на Торговый устав делалось советскими и постсоветскими исследователями, изучавшими формирование всероссийского рынка, но единое мнение о предпосылках принятия этого нормативного акта, его сущности и историческом значении не выработано до настоящего времени [1].

Протекционизм как особое направление торговой политики государства, ставящего целью защитить внутреннего производителя и потребителя, сформировался в Западной Европе на основе учения меркантилистов, которое отражало потребности бурно развивавшегося в XVII в. рынка. В России протекционизм зародился также в XVII в., когда правительство Алексея Михайловича стало активно вмешиваться в экономику. При этом в хозяйственной жизни страны структурных сдвигов не происходило, в 1649 г. окончательно были утверждены нормы крепостного права, а в аграрном секторе доминировало натуральное хозяйство. Единственным сектором экономики, где наблюдалась положительная динамика, была сфера внешней торговли, стимулом к развитию которой служила заинтересованность в русском экспорте европейских предпринимателей. Взаимодействуя с русскими торговыми людьми и государственными учреждениями, они

демонстрировали оппортунистическое поведение, выражавшееся в нарушении формальных и неформальных правил торговли и вытеснении с рынка русских купцов. Именно в этих условиях впервые выявилась роль государства в спецификации прав собственности и обеспечении соблюдения договоров.

Очевидно, что главным посылом к зарождению протекционизма явились не только потребности русской торговли, но и сложная комбинация мотивов, включая различные влияния действовавших в России социальных и политических институтов. Из сказанного явствует актуальность анализа совокупности условий, способствовавших принятию норматива, впервые содержащего в себе покровительственные меры по отношению к русским купцам. Выявить основные источники трансформации взаимодействий русского правительства и торговых людей с учетом политических факторов, приведших к принятию Торгового устава, ставшего в дальнейшем формальной основой для развития протекционизма, является целью настоящей статьи.

Ограниченность ресурсов и неэффективность хозяйствования

После окончания Смуты Россия оказалась отброшенной назад почти на столетие. Только к середине XVII в. страна, приложив огромные усилия, восстановилась после первой в ее истории гражданской войны. Сельское хозяйство, расположенное в зоне рискованного земледелия и на бедных почвах, развивалось трудно и медленно. Урожайность зерновых хлебов не превышала сам-3, для ржи — сам-4, в неурожайные годы получали сам-2,5, сам-2. Кроме того на протяжении столетия насчитано двадцать четыре голодных года, они случались хаотично, и у крестьян отсутствовала возможность сделать запасы. Хозяйствование на бедных почвах сохраняло архаические черты, и, несмотря на исключительно тяжелый и упорный труд крестьян, интенсифицировать земледелие при использовавшихся орудиях труда и технологиях было невозможно. В XVII в. был известен один вид удобрения — унавоживание почвы, в то время как для получения высоких урожаев зерновых требовались агротехнологии, которые в то время еще не существовали [2, с. 462–463; 3, с. 14, 151, 157, 353, 358]. Более плодородные земли располагались южнее линии Калуга–Нижний Новгород–Казань, но они страдали от постоянных набегов крымцев, в результате которых часть населения погибала или угонялась в плен, а урожай уничтожался на корню.

Таблица 1

Потенциал хозяйственной активности крестьянского хозяйства

	Название уезда	Число дворов	Число работников	Число работников на дворе в среднем
1	Новоторжский	120	288	2,4
2	Дмитровский	894	2015	2,25
3	Устюженский	412	789	1,9
4	Владимирский	209	358	1,7
5	Волоколамский	60	110	1,66
6	Шуйский	994	1643	1,6
7	Костромской	102	162	1,6
8	Угличский	1286	1921	1,5
9	Звенигородский	290	421	1,4
10	Верейский	112	143	1,2

Писцовые книги, результат «грандиозного предприятия» русского правительства по упорядочению обложения, свидетельствовали о повсеместном сохранении пустых дворов и обезлюдевших деревень. В царствование Михаила Федоровича земли южнее Москвы представляли голое пространство, выжженное и разоренное во время Смуты. Плотность населения на территориях, приближенных к Москве и другим торговым городам и считавшихся «людными», можно проиллюстрировать данными писцовых книг, которые, хотя и не являются генеральным статистическим описанием и в техническом отношении далеки от совершенства, дают достоверное представление о положении сельскохозяйственного населения центра России. В 1640-е гг. в 10 уездах, прилежавших к Москве, насчитывалось 4479 дворов, в которых проживало 7850 мужчин. Для выявления уровня экономической активности крестьянского хозяйства важны как плотность населения, жившего в условиях натуральных отношений, так и количество работников в хозяйстве.

Как видно из таб. 1, лишь в трех уездах, разнящихся между собой по численности населения, в каждом крестьянском дворе имелось два работника (плательщиков податей, тяглецов) [2, с. 167, 137–138]. В семи уездах двое работников приходилось на каждый пятый двор. В среднем для всех 10 уездов два взрослых работника приходилось на каждый четвертый двор (1,75). При этом в писцовых книгах в категории полноценных работников фиксировались «бедные люди и просящие старцы», так как они по закону также являлись тяглецами. Данные по Пскову, где «маломощные» хозяйства посадских людей, в которых отсутствовали полноценные

работники, составляли более 29%, не сильно расходятся с данными по крестьянским хозяйствам прилежавших к Москве уездов [4, с. 199]. Все это свидетельствует о низком хозяйственном потенциале и чрезвычайной уязвимости крестьянского хозяйства и посад в случае любых неблагоприятных природных или социальных явлений. В 1680-е годы положение улучшилось. Так, в Двинском уезде имелся 2531 двор с 5602 душами (2,2), в Вятском уезде — 133 двора с 714 душами (5,4). В целом в тридцати уездах на двор приходилось уже 3,4–4 работника [5, с. 45; 2, с. 269].

Данные, которые бы позволили выяснить товарность крестьянского хозяйства, отсутствуют, но по сведениям псковской таможенной книги 1670–1671 гг. известно, что по отношению ко всем участникам городского рынка торговавших крестьян было 6%. Подтверждением слабой товарности не только крестьянского хозяйства, но и всего аграрного сектора служит то, что барщина и натуральный оброк господствовали для всех категорий владельческих крестьян кроме дворцовых. На них в конце XVII в. стала распространяться денежная рента, однако серьезного сокращения натурального хозяйства и сдвигов в сторону развития товарного в аграрном секторе не наблюдалось [2, с. 524; 4, с. 199, 204–205; 3, с. 468–469].

В городах сосредотачивалось мелкотоварное ремесленное производство, насчитывавшее около 50 тыс. тяглых дворов (5,6% от всех тяглых дворов). Они удовлетворяли спрос в основном городского рынка на кузнечные работы, производство продуктов питания, выделку кожи и выработку кожаных изделий и одежды. Так, в Пскове, крупном торговом центре

того времени насчитывалось 37 видов ремесел, 19 (51,4%) из них были представлены единственной мастерской и еще 5 видов ремесленного производства осуществлялось в 2 (15,5%) мастерских. Только изготовление вяленой рыбы было сосредоточено в 11 мастерских, и кузнечное производство насчитывало 32 мастерские, которые удовлетворяли спрос прибывавших в Псков издалека торговых людей. Производство важнейшего предмета экспорта — холста — носило во всей стране архаичные формы крестьянской домашней промышленности, а торговля им существовала только в рамках местных торжков [4, с. 199–200].

В таможенной книге Пскова за 1670–1671 гг. показан совокупный годовой объем торговых операций на его внутреннем рынке в размере 29230 руб., в которых участвовали 40 городов. Сам Псков имел 25,3% от общего объема торговых операций, половину оборота давали 8 городов (Ярославль — 15,5%, Торопец — 8,3%, Углич — 6,6%, Осташков — 4,9%, Ржев — 4,1%, Новгород Великий — 3,8%, Борисоглебск — 3,5% и Ржева Владимирова — 3,3%). Все они поставляли в Псков экспортные товары, которые затем псковичи перепродавали шведским и немецким купцам. Остальные 33 города в совокупности имели объем торговых операций 24,7%, так как привозили в Псков товары действительно для удовлетворения внутреннего спроса на мыло, железные изделия, сковороды, ложки, щепу, масло, мед. Из Москвы на 366 руб. (1,2%) привозили шелк, ситец и перец, что также обеспечивало внутреннее потребление [6, с. 10–11; 4, с. 206–207; 7, с. 396–397]. Ярославль вообще выделялся среди русских городов своей активностью по доставке товаров не только в Псков и Архангельск, но и еще один крупный центр экспортной торговли — Великий Устюг [8, с. 92–93, 97–98].

Наибольший объем работ, который ремесленники выполняли, были заказы казны, начиная с изготовления предметов роскоши и до обжига кирпичей и масштабных строительных работ. В крупных вотчинах и монастырях осуществлялась переработка продуктов сельского хозяйства, новые промыслы и рассеянные полотняные мануфактуры появились к концу XVII в. [9, с. 167–168, 170, 174; 4, с. 199–200; 10, с. 54].

Даже краткая характеристика состояния сельского хозяйства и ремесленного производства требует признать, что еще в середине XVII в. Россия была страной бедной с низкой плотностью преиущественно сельскохозяйственного населения

и натуральным хозяйством как ведущим сектором экономики. Богатейшие ресурсы Урала и Сибири еще не были разведаны, а южнорусские черноземы еще лежали нетронутой целиной и именовались Диким полем. Крестьянство в 30 уездах Замосковского края в 1678 г. (более ранних сведений не имеется), составлявшее примерно 1 млн 850 тыс., или 92,5% населения, балансировало на грани выживания и подвергалось нещадной эксплуатации — в 1649 г. Соборное уложение окончательно оформило крепостное право. Непрерывный рост государственного и владельческого тягла ставил крестьян «во все более и более тяжелые экономические условия» и приводил к застою в крестьянском хозяйстве [2, с. 267–270, 542–542; 3, с. 469; 11, с. 246–247]. Покупательная способность населения была чрезвычайно низкой, и как следствие этого торговые отношения были неразвитыми. Принимая во внимание эти обстоятельства, трудно согласиться с оптимистическими характеристиками развития внутреннего рынка в середине XVII в. В работах отечественных историков наблюдается переоценка роли торговли как начала капиталистических отношений в хозяйственной жизни России [12, с. 71–72, 88; 13, с. 262–263, 264; 14, с. 261; 15, с. 180, 299–230; 16, с. 118, 125–126; 4, с. 210–211, 215; 10, с. 61]. В советской историко-экономической литературе на протяжении ряда лет шла дискуссия о времени и формах зарождения капиталистического предпринимательства [7, с. 3–5, 6]. Условие, которое Д. Норт считает важнейшим для изменения институциональной среды и возникновения новых формальных институтов, — сдвиги в структуре относительных цен, то есть значительный рост населения, технический прогресс, возникновение новых рынков, — в России того времени не сложилось. Взаимодействовавшие между собой правительство и торговые люди в условиях по-прежнему господствовавшего натурального хозяйства не испытывали потребности пересмотра условий «соглашения», и до определенного времени власть не предпринимала попыток изменить действовавшие нормы и создавать новые [17, с. 25, 111].

Низкая конкурентоспособность и высокие транзакционные издержки русского купечества

Основой для торговли, как и в прежние столетия, служила традиционная экономическая модель. Главным приложением крупного купеческого капитала являлось обслуживание сферы товарообращения в виде операций по скупке хлеба, шедшего

как на внутреннее потребление, так и на экспорт, и полуфабрикатов для вывоза в Европу. В то время там имелся высокий спрос на сырье для развивавшейся мануфактурной промышленности, а в Германии, разоренной Тридцатилетней войной, особенно высоким был спрос на хлеб. Но поместное дворянство и даже крупные вотчинники из-за сложности и дороговизны провоза товаров на торг не являлись серьезными конкурентами купцам. Посадские люди и торговые крестьяне как мелкие производители и участники местных торжков также не составляли конкуренции крупным купцам, занятым в экспортных операциях. Главными и абсолютно успешными конкурентами гостям являлись европейские коммерсанты, активно действовавшие как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Свободное сообщение с Европой обеспечивал Архангельск, единственный морской порт, через который шел огромный поток русских и иностранных товаров. Русские купцы сами свои товары в Европу не вывозили, не столько потому, что не имели кораблей, сколько потому, что наталкивались на недобросовестную конкуренцию со стороны европейских купцов, поддержанных магистратами прибалтийских портов. Европейские коммерсанты числом от 30–40 до 100 кораблей сами прибывали в Архангельск и другие пограничные города и там скупали товары.

Несмотря на свою ограниченность, русский рынок обладал высокой степенью привлекательности для европейских купцов. Еще в XVI в. англичане добились права беспошлинной торговли по всей Европейской России, которое сохранялось до середины XVII в. Они испытывали острый интерес к дешевым и изобильным видам сырья и полуфабрикатов, распыленным по стране, и активно вытесняли русских купцов с внутреннего рынка, тем более не допуская их к участию в экспортной торговле. Англичане, численность которых превышала официально разрешенную в три раза и составляла около 70 человек, навязывали свои правила торговли. Как известно из донесений русских купцов, англичане не скрывали стремления монополизировать внутреннюю торговлю. Они искусственно поддерживали высокие цены на свои товары или по сговору занижали цены при покупке русских товаров, придерживали их и провоцировали рост цен, использовали демпинг, массированно выбрасывая товары и обваливая рынок. Годовая чистая прибыль английского купца, занимавшегося в конце XVI в. посреднической торговлей в России и вывозившего товары в европейские страны, составляла почти

390%. «А того товару по его купле на семь тысяч на девятьсот на шестьдесят на восемь рублей и на восемь алтын и на две денги, а только бы те его товары в Ышпанскую и во Францовскую и в иные земли распроданы были и на те бы деньги иных товаров в тех землях купил и привез бы в Московского государство, или б там по торговому обычаю те деньги дал на мену и ему б было прибытка на тридцать на одну тысячу и на тридцать на пять рублей и на тридцать один алтын и на три денги» [18, с. 225].

Несмотря на запрет держать «закладней» из числа подданных русского царя (свободных людей, отдававших себя во временную зависимость в качестве обеспечения долга), английские купцы заключали кабальные договоры. Главным результатом этих сделок было то, что мелкие торговцы и промышленники лишались права продавать свой товар русским купцам. Англичане, свободные от громоздкой и многократно повторявшейся процедуры выплаты внутренних пошлин, действовали оперативно, всегда расплачивались наличными и немного набавляли по сравнению с русскими купцами. Вместе с тем в случае нарушения обязательств они всегда доводили дело до «сыска и расправы». Существует мнение, что у англичан имелся план по тотальному захвату русского рынка и полному подчинению его своим интересам [19, с. 14–15; 20, с. 94; 4, с. 223–224].

Голландский, шведский и германский капиталы также присутствовали на русском рынке. Все европейские коммерсанты обладали привилегиями, хотя и не сравнимыми с английскими, и схожими способами навязывали русским купцам невыгодные условия торговли [21, с. 36–37, 38, 42; 11, с. 386–387, 391].

Структуру русского вывоза, за который шла острая конкурентная борьба, можно представить на примере Архангельска, как показано в табл. 2 [19, с. 163–167]. Сравнительно небольшая доля мехов в архангельском экспорте компенсировалась за счет огромного вывоза через специализировавшиеся на этом товаре пограничные города Смоленск и Вязьму, а также Свинскую ярмарку в Брянском уезде.

Еще один важный экспортный товар — пенька — вывозился преимущественно через Новгород и Псков, куда также съезжались европейские купцы. Для русских торговых людей сухопутная западная граница была перекрыта шведскими властями с целью предоставления собственным купцам максимальных преимуществ в торговле. Объем операций характеризуют следующие данные. Английские

Таблица 2

Экспорт из Архангельского порта за 1653 год

п/п	Наименование товара	Объем экспорта (руб.)	Доля от общего объема экспорта (%)
1	Выделанная кожа (юфть, сафьян)	370 916	31,8
2	Зерновые (рожь, ячмень, пшеница)	250 000	21,4
3	Шпик, мясо, черная икра, щетина, полотно, воск, ворвань, смола, деготь, слюда	145 524	12,5
4	Сало	126 588	10,9
5	Поташ	120 000	10,3
6	Меха (соболь, куница, белка, норка, лисица)	98 059	8,5
7	Ткани (сукно, полотно, рогожи)	38 789	3,3
8	Москательный товар (бобровая струя, ревень, агарик)	14 800	1,3
	Всего	1 164 676	100

купцы ежегодно вывозили от 24 до 26 тыс. пудов пеньки (390–420 т), голландские — до 30 тыс. пудов (480 т) на сумму от 10 до 12 тыс. руб., что составляло 43,5–52,2 кг серебра соответственно [20, с. 95].

Оборот капитала в России был медленным, а внутренний рынок — узким. Импортируемые из Европы сукна и шелка из Персии, а также предметы роскоши обладали большой привлекательностью. Россия знакомилась с удобствами и комфортом европейского быта, что служило дополнительным стимулом продвижения торговли в глубь страны. Во второй половине столетия изделия европейской промышленности уже имелись у зажиточных посадских людей и торговых крестьян [22, кн. 1, с. 138, 142; кн. 4, с. 760; 23, с. 110–111]. Пытавшиеся посредничать русские купцы, хоть и объединенные в организации — сотни, явно не могли конкурировать с европейскими. Их трансакционные издержки, связанные с затратами на обеспечение права участия в экспортно-импортных операциях, оказывались разорительными. Как следствие в хозяйственной жизни зародилась потребность в институциональных изменениях — купечество с определенной периодичностью заявляло свои требования в виде челобитных на имя царя, позже ставших основой для формализации взаимодействий и создания институтов в виде нормативных актов, регулировавших внутреннюю торговлю.

Крупные владельцы торгового капитала — гости, одновременно выполнявшие функции финансовых и торговых агентов правительства, пользовались административным ресурсом, но власть прямую поддержку их торговым предприятиям не

оказывала [11, с. 164, 405]. К середине XVII в. торговые люди, сознавая свою слабую конкурентоспособность, составили немало «сказок», содержавших предложения по защите русской торговли. Из них и из донесений Посольского приказа правительство было осведомлено о том, как власти Швеции и германских княжеств поддерживали своих предпринимателей, но оставляло эти жалобы без внимания. Более того, нежелание власти прислушаться к требованиям купцов, выраженным в челобитных 1627, 1635, 1637, 1639, 1646, 1649 гг., провоцировало европейских коммерсантов, на которых санкции за неисполнение установленных правил торгового не налагались, на дальнейшее нарушение норм. Таким образом, формировались условия для повышения и без того высокой конкурентоспособности иностранных купцов и получения ими наибольшей прибыли [24; 6, с. 9, 10–11; 20, с. 96, 110, 111, 113–114; 4, с. 221, 222–223, 225, 230. Считается, что на самом деле челобитий было подано гораздо больше, но они не сохранились.] Истоком такой неправомерной ситуации явились царские жалованные грамоты о привилегиях и личные проезжие грамоты иностранцам, выдававшиеся с середины XVI в. [21, с. 17, 19, 20–21, 36–37, 64–65].

Требования протекционистского характера выдвигали и посады в 1648 и 1650 гг. во время бунтов в Москве, Новгороде и Пскове. Несмотря на глубокое потрясение, которое испытал молодой царь во время социальных взрывов, они не привели к изменению внутрисполитического курса. Алексей Михайлович, обладавший сознанием суверенного монарха, всю полноту ответственности за страну

принял на себя и начал укреплять государственное управление [25, с. 119–120; 26, с. 16–17; 27, с. 8–9, 10, 47–48]. В 1649 г. англичане были лишены торговых привилегий и изгнаны из России. Эти действия не являлись откликом на купеческие челобитные и выступления посада, и их нельзя рассматривать как протекционистскую меру. Санкции не распространялись на английскую торговлю в Архангельске, а шведы, голландцы и немцы вообще сохранили все привилегии. Это был политический демарш, демонстрация резко негативного отношения царя и его окружения к казни английского короля Карла I [28, т. 1. № 9. «О высылке Английских купцов из России и о приезде им токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли Российской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство Короля Карла I»].

Недобросовестная конкуренция со стороны европейских купцов и бездействие власти заставляли русских торговых людей более четко осознавать свои интересы. Одновременно формировалась процедура в виде подачи челобитий, которая обеспечивала поступление соответствующей информации к царю. В результате зародилось другое важнейшее, по мнению Д. Нортона, условие, обеспечивавшее трансформацию институциональной среды, — идеология.

Инерция хозяйственной деятельности как «институциональный остаток»

Правительство, координируя свои взаимоотношения с русскими и европейскими купцами, делало выбор в пользу последних, ущемление интересов которых могло спровоцировать ухудшение отношений с их правительствами и привести к резкому сокращению стратегически значимого для России импорта. В Европе закупались талеры, являвшиеся почти единственным источником монетного сырья, из которого чеканились серебряные копейки. Талер покупали за 50 копеек, а чеканили из него 64 копейки, в результате от эксплуатации монетной регалии казна имела прибыль в 14 копеек, или 28%. Собственные месторождения серебра были разведаны только в царствование Петра I [21, с. 70; 29, с. 265–266; 30, с. 167, 177; 31, с. 8].

Весь XVII век — это обострение отношений с Османской империей, две тяжелые войны с Речью Посполитой, война со Швецией и непрерывные набеги крымских татар. Из опыта Смоленской войны правительство имело представление о негативных последствиях нехватки финансовых

и военно-технических ресурсов и высоко ценило возможность закупать в Англии и Голландии мушкетеры, карабины, пистолеты, свинец, порох, латы, шлемы и амуницию [25, с. 72, 74–75, 95, 98]. В свете этих обстоятельств выбор, сделанный правительством, представлялся верным, так как политические и экономические издержки в случае «обиды» иностранцев приобретали угрожающие размеры. Но при объективном рассмотрении сделанного выбора и контроля над исполнением установленных в его результате правил становится ясно, что он был далек от совершенного. Просчеты при выборе агентов «обмена» могут быть объяснены не столько недостатком достоверной информации, сколько слишком широким спектром отношений, включенных в «контракт» по координации действий русского правительства и иностранных коммерсантов. Так, свою роль в поддержке иностранных купцов сыграл обычай, который предписывал при досмотре иностранного корабля лучшие товары отбирать для царя и его семьи. Нарушение этой нормы рассматривалось государем и его окружением как оскорбление.

На протяжении длительного времени хозяйственная деятельность развивалась медленно, и аккумуляция единичных знаний и многочисленных краткосрочных решений власти и их трансформация в государственный опыт управления национальной экономикой также происходили медленно. В основе экономической политики первых Романовых лежали представления, сформированные в прежние столетия, без учета тех изменений, которые начинали проявляться в хозяйственной жизни России в середине XVII в. В результате принимаемые решения почти не имели обратной связи с реалиями хозяйственной деятельности. Так, до середины XVII в. идея покровительства торговым людям не представлялась русскому правительству актуальной, не была сформулирована и обоснована, подтверждением чему служит совокупность правил, регулировавших сбор торговых пошлин [25, с. 91; 6, с. 5–6; 32, с. 785, 786, 799; 16, с. 109]. Обложение предметов потребления, производимых как внутри государства, так и вне его, а также обложение действий, приближавших товары от производителя к потребителю (провоз через заставы по дорогам и рекам, ввоз в города и вывоз, складирование в амбарах и гостиных дворах, взвешивание, измерение, продажа или покупка) являлись для государства координацией только внутренних взаимодействий без учета такого фактора, как

недобросовестная конкуренция со стороны иностранных купцов.

Поскольку порядок сбора податей сформировался еще во время удельной раздробленности, все виды обложения именовались внутренними таможенными пошлинами. Главной и одной из старейших пошлин являлся мыт, регулярно взимаемый с середины XIII в. в пользу государя при провозе товаров на возах и судах через заставы независимо от их количества и качества. Одновременно с выплатой мыта платилась головщина, то есть личная проезжая пошлина, а при возвращении купца этот сбор — задние колачи — взимался еще раз [33, т. I, с. 121; т. III, с. 75; 34, т. I, с. 432, 112]. Большую роль в пополнении казны играла тамга, которая оформлялась в период ордынского ига и являлась пошлиной на проданный товар и одновременно на право торговой деятельности, поэтому купцы, приезжавшие в город без товара или проезжавшие мимо торгового двора, тамгу не платили [35, ч. II, с. 135, 138; 34, т. I, с. 139, 295, 433, 446, т. III, с. 122, 361]. Все участники рынка были заинтересованы в точном взвешивании товаров на весах, которые содержались государством или общиной. Действия, связанные с взвешиванием, также облагались пошлинами: свальным, весчим (пудовым), контарным, подъемной и рукоздобной, померным [36, с. 178]. К числу важнейших обязанностей торговых людей относилась явка (явленное), упоминавшаяся во всех таможенных книгах. Купец должен был являться на таможенную, достоверно объявить свой товар и исправно внести платеж. Без осуществления этой процедуры купец не имел права въезжать в гостинный двор или подворье и разгружать товар [34, т. I, с. 100, 224, 296, 410, т. II, с. 71, 144, т. III, с. 163, 364, 444].

Всего до 1653 г. продолжали взиматься 28 общегосударственных внутренних таможенных пошлин: мыт, головщина, задние колачи, костки, мостовщина, перевозки, а также замытная пошлина (замыт), явленное, гостинное, амбарное, полавочное, поворотная (подворная пошлина), свальное, весчее, контарное, подъемная и рукоздобная пошлины, померное, покоречное, пятно, писчее и сродные двум предыдущим — роговое, привязная пошлина, узолцовое (поулощина), тамга, порядное, восменичье [36, с. 178]. В уездах сохранялись местные сборы. Очевидно, что все они не представляли собой сколько-нибудь упорядоченной системы, к более древним установлениям механически присоединялись новые, возникавшие в связи с ростом потребностей государства. Основным институтом, регулировавшим

их взимание, являлся обычай, на что указывалось еще в XIV в. при создании первых формальных актов — договоров между князьями, фиксирующих условия взимания пошлин. На протяжении почти трехсот лет ссылки такого рода, как «а мыта ти имати и пошлины по старине», «а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлине», «учинил все пошлины, как было при моем отце, при великом князе», «а пошлины имати ... по всему великому его княжению по давному, а нового не примышляти», являлись общепризнанным и достаточным обоснованием договора [36, с. 8–9, 10].

В XV в. появились более совершенные нормативные документы — таможенные книги, или уставные таможенные грамоты, в которых нашла отражение инициатива правительства по созданию формального института для регуляции налогообложения в виде специальных законодательных актов. Но таможенные книги не стали инструментом, стимулирующим народное хозяйство. По мере восстановления после Смуты они превратились в тормоз, поскольку в них была закреплена дифференциация торговых людей по территориальному признаку. Торговые люди подразделялись на местных, которые облагались минимально (1 денга с рубля), иногородних, которые облагались по более высокой норме (от 2,5 до 6 денег), и иностранных, которые должны были платить самые высокие пошлины. Но не платили, так как имели царские жалованные и подорожные грамоты, освобождавшие от внутренних таможенных пошлин [13, с. 246, 247; 14, с. 264, 271–272, 274]. Единых норм для участников рынка не существовало, условия для обмена оставались неравноправными. Это негативно сказывалось на росте производства, ограниченный обмен препятствовал развитию специализации и совершенствованию качества продуктов. Все русские изделия производились из местных ресурсов, носили характер грубого кустарного производства и не могли конкурировать с европейской продукцией. Еще более неконкурентоспособными русские товары становились из-за процедуры выплаты многочисленных сборов во время их транспортировки. В результате товары продавались по ценам, которые были труднодоступны для узкого внутреннего рынка. «Русский купец, покупая в Архангельске у иностранца товар, уплачивал в таможенную русскими деньгами 5% со всей затраченной суммы; потом, привезя свой товар в Москву или какой-нибудь другой город, где он хотел торговать, купец платил снова 5%, а продавая товар, — еще 5%, то есть всего 15%» [11, с. 392].

Поэтому любой город, располагавший более или менее значительным торгом, был ориентирован на обмен и потребление товаров местного производства в весьма ограниченном объеме [4, с. 214–215].

Для каждого торгового села и города писались собственные таможенные книги, в результате чего процесс сбора пошлин становился еще более беспорядочным. Однако в случае утраты таможенной книги ее легко заменяли таможенной книгой, написанной для другого города с формальным прибавлением местных сборов. Так, в 1633 г. указывалось, что если «в уставной грамоте [пошлина. — Н. Р.] не написана, а в Гороховце изстари берут ту пошлину и та пошлина собирати на Государя по прежнему как имана изстари» [34, т. III, с. 360]. Таким образом, структура таможенных книг середины XVII в. позволяет прийти к выводу об отсутствии в России единого экономического пространства. Упрощение сбора податей являлось настойчивым требованием во всех челобитях торговых людей, так как именно это позволило бы структурировать взаимодействия на внутреннем рынке и существенно повысило бы конкурентоспособность русских торговых людей по отношению к иностранцам, освобожденным от выплаты внутренних таможенных пошлин. Но правительство не предпринимало мер для систематизации и унификации обложения. Подобная реформа повлекла бы за собой большие производственные и транзакционные издержки на создание специальной бюрократической структуры, сбор информации о производстве и потреблении товаров, о потоках движения товара по стране, потребовалось бы неоднократно обсуждать пути решения проблемы вплоть до созыва Земского собора и т.д. [37, с. 48–49]. На этом фоне затруднения купцов представлялись малозначимыми, транзакционные издержки правительства минимальными, а результат, то есть пополнение казны, достигался и при имевшейся процедуре сбора пошлин.

Представления о налогообложении складывались в правительственных кругах на основе фискальной практики. Даже те меры, которые на первый взгляд можно расценить как протекционистские, имели главной целью покрытие государственных расходов. По требованию русского правительства с иностранных купцов пошлины взимались исключительно рейхсталерами (ефимками), которые покупались в Европе по 50 коп., а на внутреннем рынке ходили по цене от 64 до 100 коп. Реальный размер 10%-ой пошлины с иностранных купцов, таким образом, составлял не 10, а доходил

до 20 руб. и оказывался больше, чем размер пошлины с русских купцов [11, с. 401, 393]. В числе этих мер — отмена в 1646 г. права на беспошлинную торговлю для всех ее участников, непосредственно направленная на «пополнение его государевы казны на жалованье ратным людям», и питейная реформа 1652 г., хотя и одобренная патриархом Никоном из соображений поддержания нравственности, но направленная на установление казенной монополии на производство и продажу питей и повышение доходности этой статьи бюджета. Даже после принятия Торгового устава 1653 г. интересы казны оставались главенствующими по сравнению с интересами русских купцов [28, т. 1. № 82 «О непозволении боярам и приказным людям содержать в вотчинах и по городам кабаки и кружечные дворы и о содержании оных только в городах»; № 130. «О пене за кормчество питьями»; 6, с. 10; 25, с. 111]. На запрос таможенников, как быть с теми иностранцами, которые отказывались платить пошлины по новым правилам, официально было предложено следующее: «Буде дацкие немцы пошлин платить не учнут, учинятца сильны, ссоры с ними делать не велеть, а имать за них пошлины впредь велеть на продавцах на русских людех. ... а немцам бы про то не сказывали» [13, с. 284].

Следует признать, что еще до Юрия Крижанича и А.Л. Ордина-Нащекина власть была осведомлена о практиковавшихся в Европе мерах защиты собственных купцов, но это не означало, что протекционизм рассматривался с точки зрения его применения в России. Первые опыты взаимодействия с Западом ограничивались тем, что «немцев», носителей специальных знаний, просто использовали как некие инструменты, не вникая в их «еретические» науки. Относительно проблемы западных заимствований в XVII в. В.О. Ключевский тонко подметил, что не только русские и западноевропейские купцы, но и представители власти — «очень несоизмеримые величины, не только неодинаковые уровни развития, но и различные мирозерцания, различные способы развития и различные понимания смысла бытия». Сдвиг обозначился в середине XVII в., когда активизация дипломатических и торговых связей поставила правительство перед необходимостью противостоять вызовам, чтобы не стать жертвой расширявшейся европейской экспансии. Это выразилось не только в закупке вооружений, но и ознакомлении с европейскими доктринами, в числе которых был меркантилизм [22, кн. 1, с. 139, 143, 152; кн. 4, с. 760; 25, с. 110–111].

Предположительно самым первым источником представлений царя и его окружения об активном торговом балансе и роли морской торговли в увеличении запаса денежного металла явился трактат француза де Грона, описавшего в 1651 г. расхожие для Европы положения меркантилизма, лежавшие в основе экономической политики западноевропейских государств. Де Грон предложил меры, путем которых царские «доходы погодно прибавливатца могут болши двух или трех сот бочек золота и то, что некоторыми меры подданным от того отягчения не будет». Главным, по его убеждению, было то, что «монарху такое великое богатство чинитца может... от морского промысла» [19, с. 80; 23, с. 115–116, 117]. Непосредственное влияние проекта де Грона на правительство проследить трудно, но некоторые половинчатые меры в пользу русского купечества были осуществлены, как считается, не без влияния французского прожектера. В Сибири торговые и промышленные люди были изъяты из юрисдикции воевод, а в Архангельске с торговых людей была снята обязанность по приемке и транспортировке ефимков [6, с. 9, 10–11]. Однако в целом предпочтения делались в пользу перераспределения выгод, а не поиска новых путей и методов управления, и тем самым надолго определялся общий вектор инертного существования экономики.

Смешение мотиваций при новом выборе агентов обязывающего контракта

В августе 1653 г. была подана очередная, схожая с предыдущими, челобитная, в которой предлагалось установить одну общую пошлину с цены проданного товара. А уже в октябре текст челобитной был преобразован в именной указ, который отразил ее главную идею — основой обложения стала 5%-ная рублевая пошлина (десять денег с рубля от цены товара), а мыт и большая часть мелких сборов отменялись. С покупателей назначался сбор в размере пяти денег с рубля, или 2,5%. Проезжая пошлина отменялась, а сборы за проезд торговых людей по содержавшимся казной мостам и перевозам сохранялись. Полностью освобождались от обложения продажа казне «золотых и ефимков *[серебряных талеров. — Н.Р.]*» и кредитные операции [34, т. IV. № 64. «Сказка Данила Строганова с братьями и гостиной и других сотен торговых людей об искоренении злоупотреблений по таможенным сборам», с. 99; т. I. № 107, с. 302; 36, с. 117; 11, с. 158]. Денга равнялась 0,5 копейки, алтын — 3 копейкам.

В пограничных городах — Архангельске и Новгороде для русских и европейских торговых людей была установлена одинаковая рублевая пошлина, во внутренних городах обложение иностранных купцов возросло до 6% и составило «по два алтына с рубля». Также для иностранцев вводилась дополнительная пошлина на «русские товары», которые «повезут за море» в размере 4 денги с рубля, или 2%. Таможенники подтверждали платежи «выписями», являвшимися законным основанием для участия в торговле. Также были прописаны санкции за нарушение норм Торгового устава, начиная с конфискации в пользу казны товаров и имущества и до применения пытки и битья кнутом [28, т. I. № 107, с. 303–304; 11, с. 157].

Этим преобразования не ограничились. Через полгода, в апреле 1654 г. последовала Уставная грамота, разъяснявшая применение норм Торгового устава и толковавшая наиболее характерные случаи правоприменительной практики. Уставная грамота 1654 г. подтверждала право купцов не платить мыт, в том числе и частный, запрещала держателям откупов на различные пошлины взыскивать их и принуждать пользоваться исключительно казенными мостами, а не свободными бродами. Отмена откупов с различных пошлин пресекала злоупотребления «немилостивых и человеконенавистных» откупщиков, разорявших торговых людей. Теперь сбор пошлин полагалось осуществлять «в таможенных выборным, верным головам и целовальникам». Нарушения норм уставной грамоты 1654 г. также карались санкциями: «от Нас Великого Государя бытии в жестоком наказании, под смертью и непрощаемою казнию» [28, т. I. № 122, с. 329, 331].

Говоря о начале формирования институциональной среды протекционизма, необходимо иметь в виду оба документа — Торговый устав 1653 г. и Уставную грамоту 1654 г., составивших в совокупности единый правовой комплекс. В дальнейшем совершенствование налогового законодательства продолжилось изданием Новоторгового устава 1667 г., указа 1681 г. и еще ряда нормативных актов вплоть до 20 декабря 1753 г., когда окончательно были ликвидированы внутренние таможенные границы [28, т. I. № 408; т. 2, № 876; т. 13, № 10164]. Таким образом, Торговый устав 1653 г. и Уставная грамота 1654 г. явились лишь начальным шагом в создании институциональной среды протекционизма. Их действие привело к возникновению условий для развития хозяйственных связей и повышения эффективности внутренней торговли. Были заложены основы для перемещения деловой

активности, прежде сосредоточенной на периферии, с западной границы на внутреннее пространство России. Архаичные нормы таможенных книг, разделявших русских торговых людей на местных и иногородних, перестали действовать. Им на смену шли новые нормы, отвечавшие требованиям не только гостей, но и «гостиной и суконной [смен. — Н.Р.] и черных слобод и городских всяких чинов торговых людей». Одновременно складывались новые принципы координации взаимодействия правительства и купечества — негласно было заключено решение о взаимной поддержке. Сущность «институционального остатка» изменилась в пользу зарождения национального рынка.

Немало челобитных составлялось и раньше. Но почему правительство откликнулось на требования торговых людей и изменило свою политику по отношению к ним именно в 1653 г.?

К середине XVII в. развитие торговли достигло такого уровня, что ее потребности приобрели общенациональное значение. И этот факт был осознан как в купеческой среде, так и в правительстве [37, с. 64–65]. Одновременно революционные события в Англии и ожесточенные морские сражения между Англией и Голландией ослабили оба европейских государства, и правительство Алексея Михайловича было уверено, что в ответ на его покровительственные меры не последуют враждебные действия [38]. Иными словами, в середине XVII в. власть обладала достаточным объемом информации о «предпочтениях» и «стратегиях» всех заинтересованных «игроков», чтобы решиться на трансформацию существовавших институтов. Но не только этим была обусловлена насущность отмены внутренних таможенных пошлин и создания благоприятных условий для торговли. В 1653 г. сложилась ситуация, для которой было характерно сложное смешение мотиваций, формирующих выбор, в результате которого началось создание институциональной среды протекционизма [17, с. 19–20, 31, 32–33].

Центральным событием, вокруг которого во второй половине XVII в. разворачивалась внутренняя и внешняя политика, стало вхождение в состав Российского государства Левобережной Украины и Киева. Восстановление государственности после Смуты сопровождалось становлением самодержавной монархии, соответствовавшей представлениям всех сословий России о крепком государстве. В ответ на столь высокий уровень легитимности царь должен был действовать соответствующим образом — принимать под свою руку все православные земли,

утраченные во время ордынского ига и Смуты. Патриарх Никон, участвуя в решении политических вопросов, настоятельно подталкивал колебавшегося Алексея Михайловича к принятию в подданство единоверной Украины, терпевшей гонения религиозного и этнического порядка [39, с. 24, 30, 31; 25, с. 92, 94; 40, с. 426; 41, т. 7, с. 23]. Начатая им в 1653 г. церковная реформа в числе приоритетов имела укрепление связей с православным населением Украины [39, с. 31; 42, т. I, с. 634].

После длительных переговоров 1 октября 1653 г. Земский собор единогласно поддержал царя, тогда же было решено усилить уже развернувшуюся подготовку к войне за Украину с Польшей. Вопрос о наполнении казны встал чрезвычайно остро. Правительство увеличило закупку талеров, в 1654 г. начало эмиссию медных копеек, конец которой положил кровавый бунт 1662 г. [28, т. 1. № 76, 104, 108, 111; 43, т. III. № 197, 198, 199; 19, с. 131–132; 25, с. 111; 44, с. 156–157]. Основная тяжесть вводимых чрезвычайных налогов — 5% с оборота, 20% от стоимости имущества, 20 руб. с каждых 100 тяглых дворов, а также «стрелецкие» и «кормовые» — падала на торговых людей, с крестьян больше того, что они давали, взять было невозможно [37, с. 52–53, 60, 62]. Взамен торгово-промышленные слои получили компенсацию — Торговый устав. Введение новых норм обложения, отвечавших интересам торговых людей, можно рассматривать как своего рода «обмен» в политической сфере, как попытку заключить «обязывающий контракт», который обеспечивался сравнительно незначительным контролем, так как соблюдение его условий было выгодно его агентам. Трансакционные издержки представлялись в тот момент низкими — монарх, нуждаясь в поступлении больших сумм из налогов, предоставил требуемые купцами преференции в обмен на их согласие платить чрезвычайные сборы.

Хотя политическая централизация завершилась, гарантии прочности государства были недостаточными, так как внутренние хозяйственные связи оставались слабыми. Это особенно почувствовалось, когда начались переговоры о вхождении Украины в состав Российского государства в условиях расширения конфессиональных и культурных взаимодействий и особенно хозяйственной интеграции. Помимо главной силы — казаков в борьбе против польского гнета принимали участие торгово-ремесленные слои украинских городов, которые с XVI в. подвергались полонизации посредством внедрения магдебургского права в действовавшую среди

украинского народа систему обычного права. К середине XVII в. нормы магдебургского права, обеспечивавшие самоуправление и покровительство хозяйственной деятельности, прочно укоренились, и горожане были заинтересованы в их сохранении [45, с. I–II]. Таким образом, протекционистская политика русского правительства и ликвидация препятствий для экономической интеграции приобретали политическое значение. На русские территории активно переселялись украинцы, неуклонно рос товарооборот, несмотря на препятствия со стороны государственной власти Польши, действовавшей в этом вопросе схоже со Швецией [40, с. 426; 43, т. II. № 2 «Отписка бобрикского воеводы Г. Зюзина в Посольский приказ о принятии в русское подданство украинцев, переселившихся из Лохвицкого уезда»; № 4, 30, 37, 51, 54, 62, 81, 84, 92, 94, 95, 101, 113, 122, 124; Т. III. № 15, 50, 63, 65, 89, 96, 100, 103, 104, 105, 131]. В 1648 г. после поражения поляков от казацкого войска под руководством Бориса Хмельницкого русские купцы хлынули в Малороссию и стали получать большие прибыли от торговли хлебом, солью и оружием, и тогда же по царским указам украинские купцы получили право свободно торговать в России. Приграничный Путивль по объему торговых операций стал сопоставим с Псковом или Новгородом, активно развивалась Свинская ярмарка в пограничном Брянском уезде, которую сравнивали с Макарьевской ярмаркой под Нижним Новгородом [43, т. II. № 33, с. 66 «Послать государеву грамоту во Брянск к воеводе: будет впредь литовские купцы учнут из-за рубежа в Брянск приезжать с какими товары или з животиною, и им всякими товары поволить во Брянску торговать...», № 64, 137, 200; 21, с. 138–139; 46, с. 529, 576–577]. В феврале 1654 г. для жителей Переяславля были подтверждены «свободы, которые имеют от древних князей и королей польских», а в июле киевским торговым людям была дарована Жалованная грамота, освобождавшая от мыта и разрешавшая беспошлинную торговлю по всей России [43, т. III. № 235, 236, 239; 28, Т. I. № 133 «Жалованная грамота городу Киеву вследствие просительного листа к Государю Царю Алексею Михайловичу от запорожского гетмана Богдана Хмельницкого. — О подтверждении оному городу прежних прав его и вольностей»; 25, с. 92, 94]. Действовавшее до 1653 г. обложение торговли в соответствии с «Мартовскими статьями» было сохранено. По-прежнему собирались ваговое от веса, померное от меры, мостовое и др., аналогичные таможенным пошлинам в России [47, с. 87–90;

48, с. 3–4, 10]. Рублевою пошлину на Украину распространять не пришлось, так как взимавшиеся еще при польской власти сбор с импорта — индукта и сбор с экспорта — эвекта в основных чертах ей соответствовали [43, т. III. № 245, с. 561 «... должны будут ... доходы всякие вправду в казну царского величества отдавати... и доходы всякие денежные и хлебные збирать на царское величество и отдавать в его государеву казну»; 28, т. 10. № 119, с. 311–314; 48, с. 18–19; 36, с. 138–139].

Совокупность нормативов в виде Торгового устава, Уставной грамоты 1654 г. и Жалованной грамоты Киеву, явившихся откликом правительства на потребности купечества, сформировала единую институциональную среду для развития внутренней торговли, единые нормы взаимодействия торговых людей и государства и упрочила общероссийские хозяйственные связи. Казалось бы, «обязывающий контракт», понизивший конкуренцию со стороны иностранных купцов, создал условия для эффективного развития рыночных отношений и решения проблем фиска. Судьбоносный результат был достигнут, после чего проявилось неравенство прав агентов этого «обязывающего контракта». Две тенденции — роста и инерции — столкнулись в российской экономике. В конечном итоге «институциональный остаток» в экономике сложился не в пользу быстрого экономического роста, свободного рынка и предпринимательства.

Борьбе собственно за рынок сопутствовала мощная конкуренция за влияние на государственную власть, в которой торговые люди столкнулись с дворянским сословием, переживавшим во второй половине XVII в. процесс консолидации. В результате был заключен еще один «обязывающий контракт», максимально выгодный как правительству, так и служилому сословию, а потому более эффективно исполнявшийся при минимальных транзакционных издержках. Дворянство составило основу войска и бюрократического аппарата, что для государства имело большее значение, чем поддержка купечества, а в экономике колоссальный перевес получил такой институт, как право дворянства на крепостных и их труд. В результате крестьяне, производившие абсолютно большую часть национального богатства, почти не участвовали в распределении, обмене и потреблении, а дворяне участвовали лишь в перераспределении экономических благ. Очевидный «перекос» в структуре воспроизводства негативно сказывался на национальном рынке — он по-прежнему функционировал неэффективно. До отмены

крепостного права инерционная тенденция воз-обладала, и темпы экономического роста оставались низкими. Потребности торгово-промышленных слоев рассматривались преимущественно с точки зрения фиска, и покровительственные меры имели для власти второстепенное значение [49, с. 114–115].

Укорененное со временем представление о малой значимости для политики торгово-промышленных слоев подтолкнуло правительство к нескольким попыткам отказа от протекционизма, но это каждый раз ударяло по торговле и болезненно отзывалось на состоянии государственного бюджета. В результате институциональная система протекционизма упрочилась. При безусловном приоритете продворянской политики взаимодействия власти и предпринимательского сообщества приобрели характер, который Д. Норт характеризовал как «path dependence» [17, с. 18, 30, 307]. Сформировались неписанные кодексы поведения: царская власть обеспечивала купечеству стабильность, «тепличные условия», почти полное отсутствие конкуренции на внутреннем рынке, а взамен получала политическую и финансовую поддержку со стороны торгово-промышленных кругов, с легкостью перекладывавших ответственность за положение в социально-экономической сфере на политический режим. Институциональные установления в виде Торгового устава и последовавших за ним актов сформировали устойчивые правила взаимодействия обеих сторон и минимизировали транзакционные издержки, что еще более укрепляло складывавшиеся на протяжении долгого времени неформальные нормы институциональной среды протекционизма.

Литература

1. *Осокин Е.* Внутренние таможенные пошлины в России. — Казань, 1850. — С. 112; *Костомаров Н.И.* Очерк истории торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1889. — С. 69, 142, 174, 192; *Базилевич К.В.* Новоторговый устав (К вопросу об его источниках) // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. № 7. — Л., 1932. — С. 622; *Николаева А.Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. — Вып. 31. — М., 1950. — С. 263; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Истори-

- ческие записки. Вып. 53. — М., 1955. — С. 261; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. 1. — М., 1956. — С. 299; *Чистякова Е.В.* Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958. — С. 108, 113; *Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А.* Первые Романовы на Российском престоле. — М., 1996. — С. 111; *Шумилов М.М.* История торговли и таможенного дела. — СПб., 1999; *Гайнутдинов Р.К.* Политико-правовая идеология меркантилизма в России в XVII–первой четверти XVIII в.: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 30; *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России. IX–начало XX в. — М., 2006. — С. 65.
2. *Готье Ю.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. — М., 1906.
3. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М., 2006.
4. *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. — М., 1950. Вып. 34.
5. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1887.
6. *Базилевич К.В.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. — М., 1940. Вып. 41. История.
7. *Заозерская Е.И.* У истоков крупного производства в русской промышленности. — М., 1970.
8. *Базилевич К.В.* Торговля Великого Устюга в середине XVII века // Ученые записки Института истории РАН ИОН. — М., 1929. Т. IV.
9. *Устюгов Н.В.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII века // Исторические записки. Вып. 34. — М., 1950.
10. *Маркина, А. Н., Сметанин А. В., Федюлов Ю.К.* Экономическая история России. — М., 2012.
11. *Куриц Б.Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. — Киев, 1915.
12. *Бахрушин С.В.* Агенты русских торговых людей XVII века // Ученые записки Института истории РАН ИОН. — М., 1929. Т. IV.
13. *Николаева А.Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства

- XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. — М., 1950. Вып. 31.
14. Тихонов Ю.А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // Исторические записки. Вып. 53. — М., 1955.
 15. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. — М., 1956. Т. 1.
 16. Чистякова Е.В. Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 год. — М., 1958.
 17. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.
 18. Челобитная английских купцов Романа Романова и Антона Иванова царю Федору Ивановичу по делам торговли и по долговым обязательствам купцов // Сборник Русского исторического общества (РИО). — СПб., 1883. Т. 38.
 19. Курц Б.Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. — М., 1915.
 20. Базилевич К.В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. — № 2. — Л., 1932.
 21. Костомаров Н.И. Очерк истории торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1889.
 22. Ключевский В.О. Западное влияние в России XVII в. (Историко-психологический очерк) // Вопросы философии и психологии. — 1897. — Кн. 1, 4.
 23. Бакланова Н.А. Ян де Грон — прожектор в Московском государстве XVII века // Ученые записки Института истории РАН ИОН. Т. IV.
 24. Смирнов П.П. Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев. — Киев, 1912.
 25. Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на Российском престоле. — М., 1996.
 26. Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. — М., 1996.
 27. Боханов А.Н. Царь Алексей Михайлович. — М., 2012.
 28. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I.
 29. Шумилов М.М. История торговли и таможенного дела. — СПб., 1999.
 30. Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I. (История русской денежной системы с 1533 по 1682 год). — М., 1989.
 31. Спасский И.Г. Русские ефимки. Исследование и каталог. — Новосибирск, 1988.
 32. Базилевич К.В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII века // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общ. наук. — № 9. — Л., 1932.
 33. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. — СПб., 1841–1843. Т. I, III.
 34. Акты, собранные в библиотеках и архивах российской империи Археографическою экспедицией императорской Академии наук. — СПб., 1836. Т. I.
 35. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в коллегии иностранных дел. — СПб., 1813.
 36. Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. — Казань, 1850.
 37. Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацлло М.К. История налогов в России. IX–начало XX в. — М., 2006.
 38. Архангельский С.И. Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. // Исторический сборник. — М. — Л., 1936.
 39. Корневский Н. Церковные вопросы в Московском государстве в половине XVII века и деятельность патриарха Никона. — Киев, 1912.
 40. Толстой М.В. История Русского Православия. — М., 2010.
 41. Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. — М., 1996.
 42. Православная энциклопедия. — М., 2000.
 43. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. В 3 т. — М., 1953.
 44. Козаченко А.И. Земский собор 1653 года // Вопросы истории. — 1957. — № 5.
 45. Тарановский Ф.В. Обзор памятников магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи. — Варшава, 1897.
 46. Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. — Киев, 1916.
 47. Кистяковский А.Ф. Права, по которым судится малорусский народ. — Киев, 1879.
 48. Багалеи Д.И. Магдебургское право в левобережной Малороссии // Ж.М.Н.П. — 1892. — № 3.
 49. Шапошников Н.Н. Протекционизм и свобода торговли. — М. — Л., 1924.